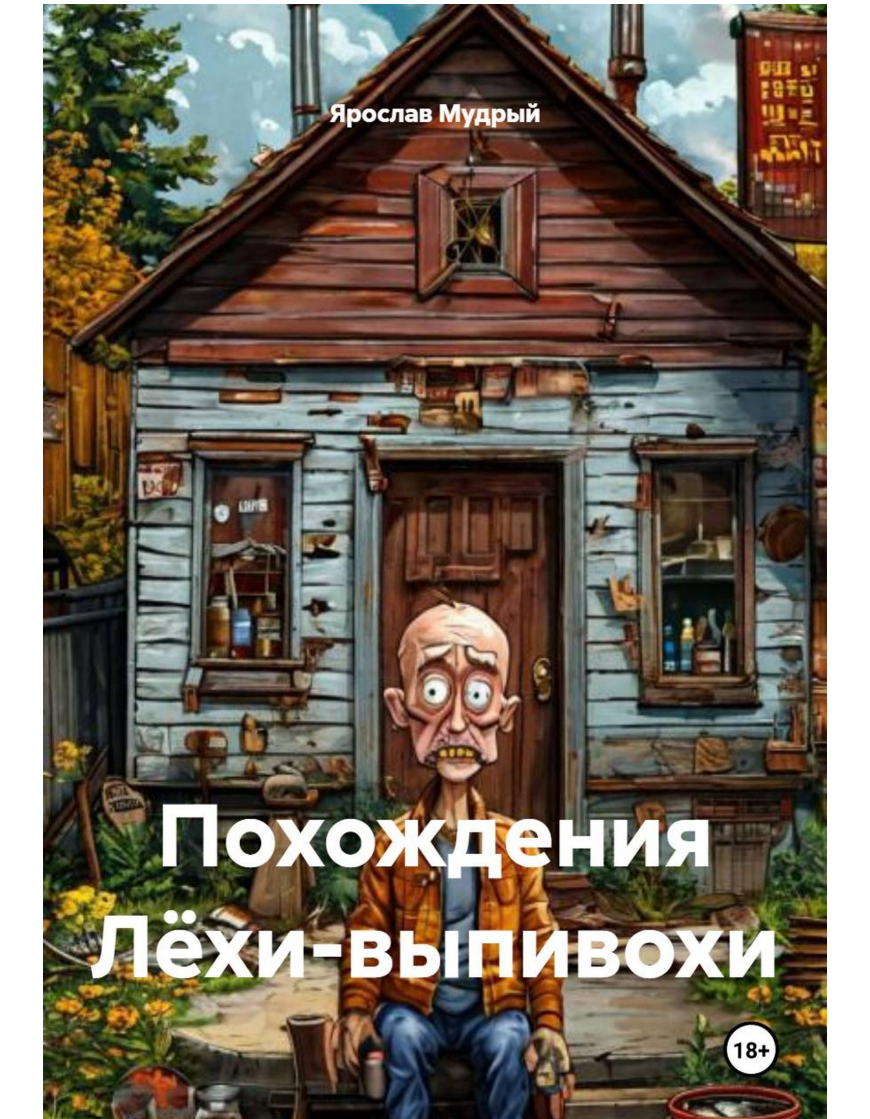

Ярослав Мудрый

Похождения Лёхи-выпивохи

18+

Ярослав Мудрый

Похождения Лёхи-выпивохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73063523

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами – трагикомическая эпопея о Лёхе, профессиональном алкаше и философе-практике. Сорок лет, инсульт, гнилые зубы и абсолютная безмятежность. Он живёт, переезжая из городской трешки к отцу в деревню, а его истинный храм – ржавый гараж. С ним случаются нелепые приключения: «ремонт» проводки, продажа «антиквариата», научные эксперименты с собутыльниками вроде коротышки Рэмбо. Его мир – это бесконечный, пьяный монолог с самим собой и такими же, как он, гротескными персонажами. Смешно до слёз и горько до осознания: эта пародия на жизнь – страшный и уморительный урок того, как жить не нужно. Юмор здесь – последний спасательный круг на дне бутылки.

Ярослав Мудрый

Похождения

Лёхи-выпивохи

Глава 1. Философия будильника

Лёха проснулся. Или, скорее, в его теле закончился временный отключ сознания. Голова гудела, как улей с пчёлами-камикадзе. Он открыл один глаз и увидел на тумбочке будильник, подаренный мамой лет десять назад. Стрелки показывали 7:15.

– На хрена ты звонишь? – хрипло спросил Лёха будильник. Будильник молчал. Он не звонил. Он был сломан с 2018 года. Звенел внутренний будильник Лёхиного организма, требовавший опохмела. Это был самый пунктуальный механизм в его жизни.

– А, понятно... Ты внутренний, – кивнул Лёха сам себе, с трудом отлепив голову от подушки. – Ну что, брат, работаем?

Он поднялся, и комната поплыла волнами. Дойдя до холодильника, Лёха обнаружил там поллитру «Беленькой» с запиской: «Лёха, не пей всё сразу. Мама». Он бережно отклеил записку, взглянул на неё мутными глазами.

– Мам, ты наивная, – с одышкой произнёс он. – Это как дать голодному льву шпротину и написать «Не съдай всю

банку». Он открыл крышку и сделал первый, самый важный глоток дня. Тёплая жидкость медленно растеклась по организму, вытесняя хаос и наводя подобие порядка. Речь его, всегда нечёткая после инсульта, стала немного внятнее.

– Вот, – философски изрёк он пустой бутылке. – У нормальных людей утро начинается с кофе. А у меня – с дипломатических переговоров с собственной печенью. Печень говорит: «Убью!». А я ей: «На, успокойся». И живём. Он потянулся за сигаретой, закурил, кашлянул так, что, казалось, выпадут последние зубы, державшиеся на честном слове и зубном камне. Посмотрел в окно. День только начинался. А у Лёхи он уже был продуктивным. Он договорился с внутренними органами о перемирии. До вечера.

Глава 2. Бизнес-план на пузыре

Деньги у Лёхи кончились вчера вечером. Но это был временный технический сбой. Ум, отточенный годами выживания в режиме «на дне», уже работал. Лёха набрал номер своего друга Витяна.

– Алё! Витек! Это Лёх... – голос его предательски заглох на полуслове.

– Лёха? Ты опять язык проглотил? – усмехнулся в трубку Витян.

– Не... Я его... в залоге оставил, – с трудом выговорил Лёха. – Слушай, есть идея грандиозная. У тебя есть сто рублей?

– Есть.

– И у меня есть сто рублей, – солгал Лёха, не моргнув гла-

ЗОМ.

– И че? – Значит, у нас уже двести! – торжествующе провозгласил Лёха. – Покупаем бутылку портвешка, выпиваем, мозги прочищаем, и думаем, как заработать тысячу. Логично? В трубке повисло молчание. Слышно было, как Витян мысленно проходится по этой безупречной логической цепочке.

– Блин, Лёх... Она же железная. Жди, выезжаю. Через час они сидели на лавочке у подъезда. Бутылка пустела, а мозги, вопреки обещанию, затуманивались.

– Вот видишь, – размахивал руками Лёха, – мы выпили на двести, а идей на тысячу ещё нет! Значит, нужно... докупить мозгов! Ещё на сто!

– Лёх, мы на двести выпили, а идей ноль, – с мудростью трезвого человека заметил Витян, который был лишь на градус менее пьян. – Если выпьем на тысячу, идей будет минус пятьсот.

Лёха задумался. Его лицо, обветренное и покрытое сеткой лопнувших капилляров, выражало напряжённую интеллектуальную работу.

– Значит... нужно было начинать с тысячи! – громко заключил он и, поскользнувшись на ровном месте, плавно сполз с лавочки в заросли пахучей руты. Бизнес-план на день провалился. Но вечер ещё только начинался.

Глава 3. Диалог с котом

В деревне у отца Лёха достиг состояния просветления, а

именно – ему стало настолько скучно, что даже пить было не с кем. Батя работал на огороде и на предложение «давай, отец, культурно выпьем» только мрачно хмурился. Лёха сидел на крыльце, курил и смотрел на деревенского кота Ваську. Васька, brutальный полосатый уроженец, вылизывал лапу.

– Вась, – начал Лёха, – ты понимаешь... Жизнь она... штука. Кот прекратил вылизываться, посмотрел на Лёху презрительными жёлтыми глазами.

– Вот ты мышь поймал – молодец. На солнышке полежал – красота. А что дальше? А ничего. И у меня так же. Бухла достал – молодец. Опьянел – красота. А утром – отходняк. И мы с тобой, Вась, братья по философии. Васька зевнул, показав розовую пасть. – Молчишь? Мудро, – кивнул Лёха. – А я вот не могу молчать. Меня внутри всё распирает. Мыслями. О судьбе. Вот, к примеру, зубы. – Он широко улыбнулся ко-ту, демонстрируя печальные руины зубного ряда. – Жую как-то! Картошку варёную, сало... А ты говоришь – надо лечить. На хрена? Они же свои, родные. Как старые друзья. Каждый со своим характером. Он потянулся к стоящей рядом чашке с чем-то мутным, сделанным по технологии «остатки от вчерашнего застолья плюс вода из-под крана». Сделал глоток, поморщился.

– Экстракт, – пояснил он Ваське. – Лекарство от глупых мыслей. Хочешь? Кот, кажется, понял всё. Он презрительно хвостом вильнул и гордо удалился в сторону сарая, явно

предпочитая общество мышей. Лёха смотрел ему вслед.

– Иди... Иди... Ты просто не дорос до моих концепций, – пробормотал он и, пошатываясь, пошёл в дом – проверить, не забыл ли он выпить в самом дальнем углу под кроватью важную стратегическую запаску. Диалог с вселенной состоялся. Вселенная в лице кота его проигнорировала. Но Лёха был доволен – он поговорил с умным существом.

Глава 4. Техника безопасности

Лёха решил помочь отцу: принести дров в дом. Задача для трезвого человека простая. Для Лёхи – экспедиция на Эверест. Он вышел в полный рост, взял в охапку три полена. Сделал первый шаг. Второй. На третьем его левая нога решила, что сегодня она – самостоятельная республика, и пошла своим путём. Лёха, описывая в воздухе изящную дугу, понёсся к земле. Падение было медленным, осознанным и технически безупречным. Он успел принять решение: поленья – долой, себя – беречь. Отпустил дрова, подогнул колени, перекатился на бок, как его учили в армии двадцать лет назад. Он лежал на спине, глядя в осеннее небо. Батя подошёл, посмотрел на сына, на разбросанные поленья.

– Ты это... Застрелился что ли?

– Не-а, – с достоинством ответил Лёха, не двигаясь. – Это, отец, называется «техника безопасного падения при нетрезвом состоянии». Травм – ноль. Достоинство – не потерял. Дрова... дрова будут позже.

– А встать?

– Встать – это следующий этап упражнения, – пояснил Лёха. – Сначала оцениваем обстановку, проверяем целостность узлов и агрегатов. Он пошевелил руками-ногами, медленно, как манипулятор, перевернулся на живот и встал на четвереньки. – Фаза первая: принятие опоры. Фаза вторая: подъём... Он поднялся, отряхнулся. Стоял, покачиваясь, но победоносно.

– Видишь? Всё по науке. Можно было, конечно, на голову упасть, но у меня там уже все мысли перебиты, жалко остальное. Батя покачал головой, собрал дрова и ушёл, бросив на прощание:

– Учёный, блин, диавольский...

Лёха остался один. Он выпрямил спину, ощущая себя покорителем стихии. Он не просто упал. Он совершил контролируемую посадку. В его мире это было огромным достижением. Теперь можно было идти праздновать – для этого, к счастью, подниматься с земли не требовалось. Главное – не падать вертикально вниз.

Глава 5. Наследственность

Лёха приехал в деревню не просто так. В городе закончился «воздух» – так он называл деньги, когда их не было. Отец, Николай Иванович, встретил его на пороге избы, опираясь на косяк. Взгляд был мутный, но узнающий.

– А, приехал... наследственность, – пробурчал он. – Дармоедец.

– Я не дармоед, отец, – с достоинством ответил Лёха, стаскивая с плеча рюкзак, в котором звенела одна-одинёшенька бутылка самогона «для старта». – Я – продолжатель традиций. Ты бухал, и я бухаю. Преемственность поколений.

Николай Иванович хмыкнул, пропуская сына внутрь. Изба пахла стариной, табаком и чем-то кислым. Через десять минут они сидели за столом, на котором красовалась поллитра, два огурца-переростка и чёрный хлеб.

– За встречу? – предложил Лёха.

– Можно и за встречу, – кивнул Николай Иванович. – А можно просто так. Наше дело – предложить. Выпили. Закусили. Тёплая волна разлилась по телу, сгладив шероховатости бытия.

– Вот, отец, о чём думаю, – начал Лёха, разминая онемевший после инсульта язык. – Мы с тобой как два философа. Ты – отживший, я – нынешний. Ты бухал при Брежневe, а я при... при ком я бухаю-то?

– При дураках бухаешь, – мудро заметил Николай Иванович, наливая вторую. – При всех дураках. А я при умных бухал. При Леониде Ильиче. Тогда и водка была три-шестьдесят, и народ... народ был душевней. Сейчас все... алкаши пошли. Лёха задумался над этим парадоксом, но логика ускользала. Он перевёл тему.

– А помнишь, как ты меня в первый раз угостил? Мне лет четырнадцать было. – Помню. Ты стакан выпил и головой в тарелку с винегретом. Мать твоя мне потом устроила... ба-

ню не баню, а тоже что-то горячее. – Наследственность, – с гордостью сказал Лёха. – Я с тех пор тренируюсь. Уже в тарелку не падаю. Максимум – под стол.

Они пили медленно, с расстановкой, как заправские дегустаторы, для которых важен не градус, а процесс. Разговор тек плавно, как река, петляя от воспоминаний о прошлом к жалобам на настоящее.

– Врачи мне говорят: «Николай Иванович, печень у вас, как... как старый башмак», – делился отец.

– А мне что говорят! – перебил Лёха, оживляясь. – «У вас, Алексей, сосудистая система... как паутина заброшенного дома». А я им: «Зато держится!». Они молчат.

– Держится... – вздохнул Николай Иванович. – Это главное в жизни, сынок. Держаться. Вот как этот стол. Нога шатается, а он стоит. Потому что привык.

Они допили бутылку. Настал момент истины. Глаза их встретились в немом вопросе: «Что делать дальше?». Идея родилась синхронно.

– А что... у тебя в рюкзаке-то там ещё позванивало? – невинно спросил отец.

– Это? Да это... инструменты, – соврал Лёха, но сам не выдержал и хрипло рассмеялся. – Ладно, наследственность, так наследственность. Давай достанем вторую серию. Посмотрим, что там дальше в нашем сериале жизни. И сериал, судя по довольным лицам, обещал быть долгим и с продолжением.

Глава 6. Поликлинический ад

Наутро Николай Иванович вспомнил, что у него талон к терапевту. А Лёхе стало «скучно» – жар в груди и лёгкая паника. «Сердце шалит», – решил он и пошёл с отцом «за компанию». Идти было километра три, что для них в состоянии похмелья было равно переходу через Анды. В поликлинике их встретил знакомый многим запах – карболки, безнадёги и старого линолеума. Отец пошёл к своему кабинету, а Лёха, пошатываясь, направился к регистратуре.

– Мне бы... к врачу, – сказал он девушке-регистратору.

– Талончик, гражданин.

– У меня его нет. Мне плохо. Сердце. Девушка посмотрела на него оценивающим взглядом: помятая куртка, трясущиеся руки, взгляд, блуждающий где-то над её левым ухом. Профессиональный опыт подсказывал диагноз.

– Алкогольная интоксикация, – безэмоционально произнесла она. – К врачу без талона нельзя. Можете вызвать «скорую», если критично.

– Да я не пьяный! – обиделся Лёха, и от обиды его речь стала чуть чётче. – Я... больной человек! У меня инсульт был! Я, можно сказать, инвалид! Я хрустальную вазу в себе ношу!

Из соседних кресел на него с интересом смотрели бабушки. Лёха, почувствовав аудиторию, разошёлся.

– Вы думаете, я от хорошей жизни такой? Жизнь – она сложная штука! Меня предали, обманули... экономика шат-

кая... – Он делал паузы, пытаясь вспомнить умные слова из телевизора. – И вообще, медицина у нас бесплатная! Я требую человеческого отношения!

В этот момент из кабинета вышел Николай Иванович с новым рецептом. Увидев сына в состоянии оратора, он мгновенно оценил обстановку.

– Граждане, не волнуйтесь! – громко сказал он, беря Лёху под локоть. – Это мой сын. Он не опасен. Он... актёр. Готовится к роли. Трагедия.

Бабушки закивали с пониманием. Кто, как не они, знали цену настоящей трагедии.

– Пойдём, Аркадий, репетицию продолжать будем, – отец с силой поволок Лёху к выходу.

На улице Лёха вырвал руку.

– Какой я тебе Аркадий? И актёр... Ты чего?

– А чего ты там раскатал губу? Они тебя там за пять минут по кличке «Бомжара» раскусят и вышвырнут. Иди лучше поможешь мне... лекарство купить, – хитро подмигнул Николай Иванович, потрясая рецептом.

Лёха прочёл: «Настойка пустырника, 2 флакона». Лицо его просияло. Он понял. Это было не лекарство, а приглашение на продолжение банкета, только в аптечной упаковке. Поликлинический ад был пройден. Впереди был рай, ёмкостью 50 мл каждый.

Глава 7. Теория относительности

Вечер застал дуэт на завалинке. Пустырник был «испы-

тан» и признан годным к употреблению. На столе между ними стояла банка солёных огурцов, которую они методично опустошали, словно это были оливки на дипломатическом приёме.

– Вот ты всё про жизнь, – начал Николай Иванович, вылавливая из банки очередной огурец. – А жизнь она... относительная. Вот смотри. Для кота Васьки жизнь – мышь поймал, жизнь удалась. Для соседа Петровича – картошку выкопал, жизнь удалась.

– А для нас? – спросил Лёха, откусывая хрустящий овощ так, что его зубы издали звук, похожий на скрип ржавых качелей.

– А для нас жизнь удалась, если к вечеру есть чем удаться о... об пол, – философски изрёк отец.

Лёха кивнул, затем внезапно нахмурился.

– Постой. А если нет? Значит, жизнь не удалась?

– Нет, значит, жизнь... незавершённая. Незаконченная симфония. Как у того...

– У Шопена?

– У Шопена, да. Ты её допиваешь завтра. Или послезавтра. Главное – верить, что финал будет громким. Они замолчали, наблюдая, как солнце садится за баню. В этом была своя, пьяная поэзия.

– Знаешь, отец, а я теорию одну придумал, – с важным видом сообщил Лёха. – Теорию алкогольной относительно-сти. Когда выпьешь – время летит быстрее, проблемы стано-

вятся меньше, а женщины на картинах в календаре – красивее. А когда трезвый – наоборот: время тянется, проблемы вырастают, а женщины... ну, они в жизни не такие, как в календаре.

Николай Иванович задумался, чеша щетину.

– Глубокая теория. Надо её проверить. Для чистоты эксперимента.

– Именно! – Лёха оживился. – Научный подход! Сейчас у нас состояние А – мы выпили. Время летит, проблемы... Какие у нас проблемы? – Бутылка пустая. – Вот видишь! Одна проблема, и та решаемая! Берём состояние Б – трезвость. Но его мы не можем наблюдать, потому что... потому что эксперимент будет прерван! Значит, надо оставаться в состоянии А для непрерывности наблюдений. Это же логично?

– Логика железная, – с уважением сказал Николай Иванович. – Ты, Лёх, мог бы учёным быть. В какой-нибудь... алкогольной академии.

– Мечтал бы, – вздохнул Лёха и потянулся за сигаретой. – Но документы потерял. И мозги немного. Но теория – жива! Они чокнулись последними огурцами, как бокалами дорогого вина. Наука не ждала. Эксперимент продолжался. Вселенная в лице деревенского вечера принимала их такими, какие они есть: двумя относительными гениями в абсолютно бутылочном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.